

расцвела торговля с арабским востоком, с германским севером, с византийским югом. И эта торговля дала России ее культуру и ее государственность. И то, и другое сложилось в старых городах на Днепре, унаследованных славянами от их иранских и германских предшественников. «История не знает перерывов, нет их и в истории России. Славянская эпоха есть только эпоха в ее истории. Но славянской расе суждено было осуществить то, чего не могли и не хотели сделать их предшественники: навсегда связать себя со страной, ее государственным и культурным развитием»⁹.

Таким образом, важным фактором, определяющим, по мнению М.И. Ростовцева, развитие южнороссийского региона в древности была торговля, которая во многом позволила сохранить преемственность между разными народами, населявшими эти районы. Вторая особенность, которую М.И. Ростовцев неизменно выделял при характеристике развития юга России в древности – это тесное переплетение двух культур – «иранизма и ионизма», взаимовлияние которых создало неповторимый культурный облик этой территории. Именно эти тенденции определяли и особенности становления здесь древнерусского государства, которое неминуемо должно было испытать на себе влияние предшествующей эпохи.

Примечания

¹ Ростовцев М.И. Рецензия на труд Е.Н. Minns «Scythians and Greeks» // ЖМНП. 1913. Октябрь–ноябрь. Отд II. С. 177.

² Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России. М.: Книжная находка, 2002. С. 11.

³ Ростовцев М.И. Происхождение Киевской Руси // Современные записки. 1921. № 3. С. 144.

⁴ Ростовцев М.И. Происхождение Киевской Руси. С. 146.

⁵ Ростовцев М.И. Воронежский серебряный сосуд. Пг., 1914. С. 9.

⁶ Ростовцев М.И. Курган «Солоха» // Ежемесячный журнал. 1914. № 4. С. 76.

⁷ Ростовцев М.И. Иранизм и ионизм на юге России // Петербургский археологический вестник. 1993. № 5. С. 19.

⁸ Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России. С. 21.

⁹ Ростовцев М.И. Происхождение Киевской Руси. С. 149.

В.Н. ЕРОХИН

СОВРЕМЕННАЯ БРИТАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ ИДЕЙНЫХ ТЕЧЕНИЯХ В ЦЕРКВИ АНГЛИИ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XVII ВЕКА

Изучение религиозной истории Англии первых десятилетий XVII века в современной британской историографии остается объектом внимания значительного числа исследователей. Религиозные проблемы в Англии этого времени были тесно связаны с политической историей страны. Мировоззрение англичан в XVI–XVII веках было таково, что самые разнообразные вопросы общественной жизни осмысливались при значительном влиянии религиозных понятий, образности и символики. В происхождении Английской революции середины XVII века также прослеживается заметное влияние религиозного фактора, что было отмечено уже современниками событий, и продолжает активно обсуждаться ныне работающими историками.

В 1970–80-е годы в изучении английской истории предреволюционных десятилетий заметным явлением стала научная деятельность представителей так называемого ревизионистского направления. В изучении причин гражданской войны и революции ревизионисты стали оспаривать существование долговременных

конституционных и социальных конфликтов в Англии начала XVII века¹. Ставилось под сомнение существование в предреволюционных парламентах сплоченной пуританской оппозиции, оспаривалось и значение пуританизма как прогрессивного идеологического движения в целом, подчеркивалось, что в предреволюционный период сохранялись влияние и престиж монархии как наиболее авторитетного политического института в стране. Обострение политического конфликта, которое привело к гражданской войне и революции, объяснялось стечением ряда в принципе случайных по характеру обстоятельств, сложившихся, в первую очередь, из-за неспособности к администрированию и к мирному разрешению конфликтов Карла I Стюарта и правящей элиты, на которую опирался монарх.

Ревизионисты предложили свое понимание того, что происходило в церкви Англии в 1590–1630-х годах. Если ранее представлялось, что в это время развивалось противостояние между церковью Англии и пуританской оппозицией, то ревизионисты обратили больше внимания на то, что среди английских протестантов начала XVII века трудно провести резкие различия во взглядах. Вплоть до времени, когда в 1620-е годы началось заметное возвышение в церкви группировки будущего архиепископа Кентерберийского Уильяма Лода, по мнению ревизионистов, большинство образованных английских протестантов были кальвинистами в богословских взглядах, сторонниками епископальной системы управления, ненавидели папство и были сторонниками того, что в церкви большое место должна занимать проповедь. Пуритане были, в сущности, теми же протестантами, только более рьяными и энергичными. В трактовке ревизионистов, только подъем английского арминианства², происходивший с середины 1620-х годов, вызвал резкий и решительный раскол в среде английских протестантов. Арминианство было вызовом для той кальвинистской по убеждениям уверенности в своем спасении и правоте, которой достигло большинство английских протестантов. Арминианство было агрессивно конформистским, отстаивавшим иерархию, таинства, церемониал, укрепление положения духовенства, и в этих чертах арминианства протестанты могли увидеть признаки попыток возвращения к папизму³. Но при этом ревизионисты считают случайностью то, что Карл I стал возвышать в церкви арминианскую группировку⁴. Конформизм группировки Лода, полагают ревизионисты, был в значительной степени преемственным с той разновидностью конформизма в церкви Англии, который отстаивали еще архиепископы Уитгифт и Бэнкрофт⁵.

Еще современники революционных событий середины XVII века использовали применительно к взглядам представителей лодианской группировки в церкви Англии понятие «арминианство». В 1970–80-е годы историками стали предприниматься усилия к тому, чтобы более глубоко рассмотреть явление, называемое в истории церкви Англии лодианством, арминианством.

Э. Фостер в статье «Роль епископа: карьера Ричарда Нила, 1562–1640» проанализировал деятельность одного из крупнейших представителей лодианской группировки в церкви Англии, за время служения с 1608 года успешного поруководить четырьмя епархиями и поставленного с 1632 года во главе северной Йоркской церковной провинции и введенного вместе с Лодом в Тайный совет при Карле I⁶. Статья Э. Фостера является одним из примеров происходящего переосмысления современными британскими историками значения понятия «арминианство» в жизни церкви Англии накануне гражданской войны. По его мнению,

«так называемое «арминианство» в английском варианте совершенно невозможно отождествить с учением Якоба Арминия, который подверг сомнению идею Жана Кальвина о том, что избранный Богом к спасению человек никогда не упадет от действия благодати и не будет исключен из числа избранных к спасению, что бы он ни делал в своей земной жизни». Проблематика собственно арминианских идей отличается от лодианства. Один из лидеров арминианской группировки Ричард Нил заявлял, что не прочитал и трех строчек из Арминия, так что их, полагает Э. Фостер, следует называть лодианцами. По его мнению, использования понятия «арминианство» в Англии первых десятилетий XVII века применительно к группировке во главе с Лодом и Нилом – «пример неправильного словоупотребления», до сих пор встречающегося в работах британских историков, которые вслед за современниками событий назвали «арминианством» стремление группировки Лода подчеркнуть значение таинств, церемоний, видимой церкви, апостольской преемственности епископов, поддержку ими теории о божественном происхождении права королей на власть, которые внешне напоминали признаки движения церкви Англии обратно к католицизму⁷.

Если более адекватно характеризовать арминианство, то, по мнению Х. Тревор-Роупера, в арминианстве можно выделить три группы, частично накладывавшие друг на друга: нидерландские и другие либеральные кальвинисты, сакраменталисты в церкви Англии, высоко ценившие роль таинств, с которыми близки лодианцы, и евангелические сектанты в Англии (общие баптисты, Джон Гудвин)⁸.

Э. Фостер отмечает, что Нил не был ни талантливым проповедником, ни интеллектуалом и по характеру проявлял в первую очередь способности к администрированию и практической деятельности, он был популярным епископом, стремился к увеличению доходов священников, покровительствовал только представителям лодианской группировки. С 1617 года Даремская епархия, будучи одной из самых богатых епархий в церкви Англии, с вступлением в управление ею Нила стала, по словам Э. Фостера, настоящим центром арминианской партии. Все епископы в церкви стремились продвигать своих ставленников, но Нил был особенно настойчив и успешен в этом, так что Нила и Лода парламент 1628–1629 гг. выделил как лидеров арминианской группировки. По словам пуританина У. Принна, эта группировка была настоящим централизованным правительством. Поначалу лодианцев идентифицировали как группировку, организационным центром которой был епископ Даремский Ричард Нил (the Durham House Group)⁹.

Усиление епископов, считает Э. Фостер, во многих отношениях приносило пользу государственным делам, поскольку стало уделяться больше внимания заботе о бедных, улучшился контроль за финансами, но многие светские лица считали, что епископы стали вести себя высокомерно. Нил хотел, чтобы церковь вернула себе такую же социальную роль, какую она имела до Реформации, но приверженность его группировки тем взглядам, которые в Англии стали называть арминианскими, слишком яркая поддержка королевской прерогативы, по словам Э. Фостера, бросали тень в глазах общественного мнения на все его начинания. Заботу о бедных стали считать чересчур патерналистской, епископов обвиняли в слишком низком происхождении, недостатке внимания к проповеди в церкви, в недостаточной грамотности, в сущности, повторяя обвинения 1520–30-х годов в адрес тогдашних католических епископов. Э. Фостер считает, что группировка Лода действовала в авторитарной манере, используя церковные суды, ограничение

проповеди и лекторств, цензуру. Кульминацией этого процесса, по оценке Э. Фостера, была конвокация 1640 года, когда была предпринята попытка принять 17 «крайне новаторских» церковных канонов¹⁰.

Деятельность арминианской группировки действительно укрепила церковь как институт, но, отмечает Э. Фостер, «ирония истории» состояла в том, что в 1630-е годы, когда церковь имела больше сил и влияния, чем когда-либо ранее в постреформационный период, церковь стала также вызывать еще больше страха и ненависти, и усиление церкви оказалось для общества в Англии уже неприемлемым¹¹.

Заметным вкладом в осмысление религиозно-политической ситуации в Англии в правление Карла I (1625–1649) является работа Дж. Дейвиса «Пленение церкви Карлом. Карл I и новая формулировка англиканства, 1625–1641» (1992). Понимание деятельности Лода, как считает Дж. Дейвис, в среде британских историков остается во многом клишированным: его считали движущей силой всех происходивших при Карле I изменений в церкви, используя при этом не очень, по мнению британского историка, продуманное понятие «лодианство»¹².

Дж. Дейвис предлагает вместо использования понятия «арминианство», применительно к церковной политике архиепископа Кентерберийского, Уильяма Лода введение в оборот альтернативного понятия «каролинианство» и, вспомогательного по отношению к нему, менее важного понятия «лодианство». Использование понятия «лодианство» для описания тех церковных новаций, которые произошли в правление Карла I, ранее всегда создавало впечатление, что у этих новшеств был лишь внутрицерковный источник. Дж. Дейвис считает, что религиозная политика Лода в конечном счете опиралась на волю Карла I¹³.

Каролинианство, как пишет Дж. Дейвис, представляло собой «политику Карла I по реализации сугубо личного понятия о священном достоинстве королевской власти с использованием своей прерогативы как Верховного правителя церкви». Хотя королевское верховенство в церкви никем из протестантов не ставилось под сомнение, новшества в церковной сфере времен правления Карла I стали восприниматься как угроза существовавшему церковно-политическому строю. Дж. Дейвис исходит из предпосылки, что появление той оппозиции, которая противостояла режиму Стюартов в 1630–40-е годы, может быть объяснено действием идеологических факторов и не отрицает значения либерального истолкования происхождения гражданской войны в Англии. Он также считает, что не следует, как это делают ревизионисты, применительно к XVII веку рассматривать отдельно вопросы религии и политики и при этом полагает, что религиозно-политическая дихотомия не может быть приравнена к оппозиции духовного и светского в общественной жизни. Дж. Дейвис, полемизируя с ревизионистами, считает, что крупнейшая конституционная проблема в отношениях между короной и оппозицией в 1630-е годы не была просто лишь функциональной проблемой управления, и выдвигает мнение, что идеологические споры и конфликты по конституционным вопросам тоже развернулись из-за каролинианства¹⁴.

Карла I называют сторонником и покровителем арминианства, но, как обращали внимание историки, он вообще не формулировал в явном виде свои взгляды, кроме того, что придерживался доктрины о божественном праве монархов на власть, порицал кальвинистские идеи о праве на сопротивление властям, стремился не разжигать религиозные споры. Если взгляды Карла I как-то подда-

ются определению, то их лучше назвать «анти-догматическим антифидеистским эрастианством»¹⁵.

Предполагают, что на формирование религиозных взглядов Карла I исходно оказал наибольшее влияние служивший в королевской часовне при Якове I Ланселот Эндрюс – известный церковный деятель рубежа XVI–XVII веков, возведенный в итоге в сан епископа. Лод же в своей церковной политике, став архиепископом Кентерберийским, утверждает что Дж. Дейвис, даже не следовал в полной мере указаниям Карла I¹⁶.

Среди современных историков не исчезло еще мнение о деятельности Лода как об арминианском заговоре, но это толкование действий Лода в свое время насаждал пуританин Уильям Принн и оно, как считает Дж. Дейвис, тенденциозно. Дж. Дейвис полагает, что для объяснения лодианства не надо привлекать арминианство – это отдельное явление, и, по его мнению, в 1630-е годы не было никакого подъема арминианства в том смысле, как об этом писал Н. Тайэк¹⁷. Как считает Дж. Дейвис, в 1620–30-е годы в Англии не было духовных лиц, которых можно было бы подвести под определение арминианства, и отстаивает мнение, что термин «арминианство» не следует применять к лодианской группировке, усилившейся в церкви Англии после 1625 года, так как взгляды ее представителей, если определять их точнее, находились в спектре от умеренного кальвинизма до антикальвинизма. Но антикальвинизм Лода проявился, как отмечает Дж. Дейвис, в сущности, только в нежелании обсуждать вопрос о предопределении и был умеренным¹⁸.

Несмотря на запреты короля обсуждать вопрос о предопределении в 1630-е годы, многие священники сохраняли крайние кальвинистские убеждения, придерживались учения о двойном предопределении. Сдерживая кальвинистов в эти годы, церковь Англии при Карле I также невольно питала арминианство – сторонников учения о свободе воли, но это, считает Дж. Дейвис, получилось ненамеренно. Арминианство не было причиной антикальвинизма в 1630-е годы, но его развитие стало одним из следствий сложившейся ситуации¹⁹.

Карл I Стюарт правил в неблагоприятный для европейского протестантизма период Тридцатилетней войны, и на этом фоне некоторые тенденции в церковной политике его правления – введение новых церемоний, усиление значения церкви как общественного института, утверждение власти епископов и самостоятельности духовенства, известные факты обращения в католицизм, довольно терпимое отношение к католикам-рекузантам (демонстративно отказывавшимся посещать службы в церкви Англии) – создавали впечатление, что король и епископы задумали то ли вернуть страну в католицизм, то ли учредить какое-то свое английское подобие папизма. Дж. Дейвис приходит к выводу, что своей политикой Карл I фундаментальным образом изменил характер англиканства с фатальными последствиями для себя и для страны. Англиканская церковь после реставрации восстановилась в менее терпимом виде по отношению к неконформистам по сравнению со временем до 1625 года.

В 1630-е годы в церковной политике Англии, по мнению Дж. Дейвиса, слились два фактора, отличных друг от друга, и в то же время начавших соприкасаться и даже сливаться друг с другом. Один фактор был более длительного действия и происхождения и представлял собой рекатолизацию церкви Англии с учетом влияния патристики, исторической традиции, в результате чего церковь Англии

стала видеть себя в более широком контексте и выдвинула на первый план литургию, церковную дисциплину, в меньшей степени уделяя внимание проповеди. Второй фактор отражал решимость Карла I навязать свой взгляд на королевское служение как своего рода таинство, божественное по происхождению, сформировать для церкви новую идентичность, которую Дж. Дейвис называет «англо-католической». Эти две тенденции и можно обозначить понятиями «лодианство» и «каролинианство», и даже более точным, по его мнению, было бы назвать все новации 1630-х годов «каролинианством», так как роль короля была инициативной, и определял церковную политику именно монарх, причем доктрина сама по себе для него была безразлична.

Э. Милтон считает необходимым изучение споров о природе церкви Англии в предреволюционные десятилетия и тех политических следствий, которые проистекали из этих внутрицерковных споров. В предреволюционный период в церкви Англии, как считает Э. Милтон, идеологическая и доктринальная идентичность церкви еще не прояснилась окончательно, поскольку разные группы в церкви спорили о том, как можно считать церковь Англии одновременно и католической, всеобъемлющей, и протестантской, реформированной. Он обращает внимание на то, что огромный массив религиозной литературы, опубликованной в Англии в 1600–1640 годах, остается еще не изученным, а споры между историками ведутся на основе анализа сравнительно небольшого числа религиозных текстов. В первые десятилетия XVII века современники-англичане отнюдь не рассматривали ситуацию в церкви как дуалистически упрощенную борьбу лишь двух группировок и обращали внимание на существование различных мнений в религиозной сфере. Исследователи выявили, что, например, венецианский посол Фоскарини в 1616 году в своем донесении сообщал, что в Англии существуют 12 различных религиозных партий – три партии католиков, три индифферентных в вопросах веры, четыре группировки по-своему поддерживали ту форму веры, которую исповедовал монарх, и он выделял также две пуританские партии. Э. Милтон в связи с этим заявляет, что жестко дуалистический взгляд большинства современных историков на религиозную ситуацию в раннестюартовский период с выделением противостояния англиканской и пуританской группировки или арминианской и кальвинистской группировки упрощает и обедняет тот широкий спектр религиозных мнений, который существовал в Англии накануне гражданской войны²⁰.

Э. Милтон отмечает, что пока не существует удовлетворительного термина для того, чтобы охарактеризовать взгляды таких видных представителей конформистской богословской мысли в церкви Англии, как Ричард Хукер и Ланселот Эндрюс, которые повлияли на формирование мировоззрения Лода. П. Лейк предлагает использовать для определения их взглядов термин «авангардистский конформизм», чтобы отличить Хукера и Эндрюса от других конформистов того времени, которые не придавали такого большого значения церемониям в жизни церкви, при этом обращая внимание на то, что о взглядах «авангардистских конформистов» с одобрением отзывались католики²¹. Проблема состоит еще и в том, считает Э. Милтон, что термин «англиканский» применительно к началу XVII века не передает всей специфики существовавших в это время религиозных взглядов, поскольку этот термин стал входить в употребление позднее. Он относит к важнейшим религиозным группам в церкви Англии в начале XVII века

авангардистских конформистов, кальвинистов-конформистов, умеренных и радикальных пуритан²².

Континентальный кальвинизм во второй половине XVI века эволюционировал в направлении утверждения в нем жесткого варианта учения о предопределении (супралапсаризм), представленного во взглядах преемника Кальвина в Женеве Теодора Безы (1519–1605). Многие английские кальвинисты отходили от супралапсаризма Безы, который называют еще «высоким кальвинизмом». В Англии радикальные сторонники крайнего кальвинизма потеряли свои позиции с разгромом пресвитерианского и сепаратистского движения в конце 1580-х – начале 1590-х годов. Как считает Э. Милтон, пик английского высокого кальвинизма был достигнут в 1590-е годы, а затем в английском кальвинизме начался отход в сторону волюнтаристского акцента в толковании спасения, представленный наиболее ярко У. Перкинсом с подчеркиванием значения человеческих усилий, добрых дел в теологии ковенанта. Такие волюнтаристские акценты во взглядах, тем не менее, обычно сочетались с прочной приверженностью кальвинистскому пониманию предопределения и ортодоксально кальвинистским пяти пунктам Дордрехтского (Дортского) синода 1618–1619 гг. От супралапсаризма Безы в первые десятилетия XVII века отошел целый ряд умеренных английских кальвинистов из числа сторонников епископальной системы управления церковью.

Высокий кальвинизм, ослабевая в Англии, усиливался на континенте. Согласно идеям высокого кальвинизма, получалось, что количество осужденных намного превосходит количество избранных к спасению. Споры о предопределении во многом стимулировали ремонтранты – сторонники идей Якоба Арминия, которые были осуждены на Дортском синоде как проповедовавшие учение о свободе воли. Часть англиканских богословов занимала примирительную позицию по отношению к ремонтрантам, чтобы не провоцировать расколы в кальвинизме.

На Дортском синоде, как показали историки, делегаты-англичане в соответствии с королевскими инструкциями и своими убеждениями стремились к тому, чтобы ремонтранты были осуждены. Но британские делегаты на заседаниях синода хотели осудить крайние кальвинистские положения, дававшие повод к антиномизму – утверждениям, что избранные к спасению могут совершать даже преступления, но при этом не будут осуждены Богом, поскольку предопределены к спасению. Кальвинистское учение о предопределении подрывало и таинства. На заседаниях Дортского синода представители церкви Англии предложили доктрину, ставшую известной как гипотетический универсализм, утверждая, что в определенном смысле слова Христос умер за всех, а не только за избранных, в результате чего последовал конфликт со сторонниками высокого кальвинизма. Хотя британские делегаты не согласились на то, чтобы назвать каноны, принятые Дортским синодом, доктриной реформатских церквей, они считали, что каноны не противоречат учению, которого придерживалась церковь Англии, и поставили свои подписи под канонами²³. Дортские каноны так и не были ратифицированы в Англии, хотя с их содержанием согласились и английские сепаратисты – идейные предшественники индипендентов и конгрегационалистов и многие духовные лица в церкви Англии, но Лод и его сторонники осуждали Дортский синод и утвержденную им доктрину о предопределении²⁴.

Лод исходил из того, что церковь Англии должна быть самостоятельной по отношению к континентальным реформированным церквам и к кальвинизму.

Среди англиканских богословов нарастало стремление к утверждению собственной идентичности без отождествления себя с каким-то другим направлением в Реформации, что наиболее ярко отразила группировка Лода. Представители группы Лода не поддерживали анти-арминианство, в чем проявлялся их отход от континентального кальвинизма. Обе группы в охватившем континентальный кальвинизм споре – и арминиане-ремонтранты, и противники ремонтрантов (гомаристы²⁵) – были противниками епископального строя управления в церкви, так что группировке Лода не нравились и те, и другие. С точки зрения лодианцев, арминиане, к тому же, слишком уж рьяно выступали за политику веротерпимости²⁶.

В церкви Англии с начала XVII века появились притязания на то, что она является лучшей среди всех протестантских церквей по уровню образованности духовенства. В отношении же иностранных реформированных церквей говорилось о низких доходах священников, их слабой образованности, что не давало им необходимой степени влияния и возможности бороться с различными сектами. Карл I заявлял, что Реформация церкви Англии происходила самостоятельно и не имеет отношения к Реформации какой-либо другой церкви²⁷.

Во взаимоотношениях с континентальными протестантами у англичан с начала XVII века также стали проявляться соперничество и ксенофобия, например, отношения с голландцами были напряженными в течение всего правления Стюартов. Даже пуритане признавали недостатки в голландском характере, и восхищение их сопротивлением испанцам сочеталось с критикой дерзости и жадности голландцев. Лодианцы были против того, чтобы вмешиваться в европейские дела на стороне протестантов, и считали, что интересы внешней политики страны должны определять, с кем из зарубежных протестантов можно поддерживать контакты. Лод считал существование эмигрантских протестантских церквей в Англии фактором, поддерживавшим сохранение пуритан в стране²⁸.

Так, для церкви Англии, считает Э. Милтон, «умерло единое протестантское дело». Становление англиканской церкви состояло в том, чтобы отойти от ранней реформационной идентичности и занять свое собственное место. При этом лодианцы трактовали «средний путь» церкви Англии как идею о том, что она не принадлежала ни к одной из борющихся в Реформации партий. Идентичность англиканской церкви и будущая *via media* были возможны только при разрыве с континентальным кальвинизмом. Корни лодианства Э. Милтон находит в сочинениях Ричарда Хукера²⁹.

Э. Милтон считает, что в 1620–30-е годы в жизни церкви Англии не только появилась лодианская группировка как новообразование – в это время претерпели трансформацию все основные группы в церкви Англии. Церковь времен правления Якова I в определенном смысле основывалась на существовании согласия между кальвинистами конформистского толка, которые были сторонниками епископальной системы управления церковью и умеренными пуританами, но при этом стал развиваться процесс расхождения во взглядах между этими двумя группами. Э. Милтон придерживается мнения, что в церкви Англии увеличивалось количество тех, кто готов был примириться с лодианскими доктринами. Для кальвинистов во взглядах группировки Лода многое было отталкивающим, но в то же время все более почтительное отношение к церковному зданию, таинствам, к духовным лицам не было враждебно даже взглядам кальвинистов. На этом фоне становились лучше видны непримиримые пуритане, у которых активизировался

интерес к теологии ковенанта³⁰, появились радикальные милленаристские тенденции, что тревожило умеренных кальвинистов³¹.

Лодианцы стремились порвать с умеренной пуританской традицией в церкви, сложившейся в елизаветинские времена, и сделать церковь Англии более однородной, при этом пытаясь перетянуть на свою сторону кальвинистов-конформистов, исключив при этом из церкви пуритан, что сопровождалось нежеланием высказывать почтение по отношению к утвердившимся в реформатских церквях принципам. К лодианцам не случайно потянулись, как отмечает Э. Милтон, рекузанты, церковные паписты, что породило в предреволюционной Англии страх папистского заговора. Хотя массовое сознание не разбиралось в богословских тонкостях, недостаточно почтительные отзывы о Кальвине и Безе в устах лодианцев настораживали.

После появления лодианства, как считает Э. Милтон, уже нельзя было создать единую церковь Англии, поскольку оно «выявило те внутренние трения и двусмысленности в церкви, которая в своем развитии уходила от синтеза, достигнутого в церкви Англии в правление Елизаветы». Лодианство не исчезло и после устранения самого Лода: кальвинисты-конформисты и умеренные пуритане уже не смогли объединить церковь, и пути развития существовавших ранее в церкви групп разошлись. Как предполагает Э. Милтон, если бы лодианство могло действовать в церкви Англии еще с десятков лет, был бы шанс маргинализировать пуритан, все кальвинисты-конформисты могли принять сторону лодианцев, но этого не случилось: крушение правительства Карла I оставило церковь в состоянии, когда она была только наполовину «лодианизирована». Радикализировавшийся пуританизм нанес удар по епископальной церковной организации, так что реальным результатом деятельности лодианской группировки был, прежде всего, серьезный церковный раскол и обострение ситуации в стране. По мнению Э. Милтона, само по себе это не породило гражданскую войну – «причины войны появились под влиянием кумулятивного действия различных факторов и сил, но лодианцы фатально разделили страну в религиозном отношении, и это случилось в тот период, когда ослабление центральной власти вынудило участников конфликта прибегнуть к религиозному объяснению разворачивавшегося конфликта». Религия уже не могла сыграть в этот период объединяющую роль – в течение всей оставшейся части XVII века религиозные вопросы только разъединяли англичан³².

Появились также еще некоторые исследования, которые способствуют уточнению представлений о том, как можно квалифицировать идейные течения, существовавшие в церкви Англии в предреволюционные десятилетия XVII века. Работа П. Уайта «Предопределение, политика и полемика: конфликт и согласие в церкви Англии от Реформации до гражданской войны» (1992)³³ представляет пример своеобразного подхода к пониманию доктрины церкви Англии. Используя приверженность учению о предопределении как показатель принадлежности к кальвинизму среди духовных лиц в англиканской церкви, П. Уайт утверждает, что церковь Англии по своей литургии и доктрине никогда не была кальвинистской церковью. Кальвинизм, как отмечает П. Уайт, занял важное место в церкви Англии и в английском богословии только к 1590-м годам, но и после этого кальвинизм был только одной из школ в английском богословии, а не господствующей школой. П. Уайт считает, что архиепископ Кентерберийский Джордж Эббот (1610–1633) не олицетворял кальвинистского характера церкви Англии

и не разделял взгляды Якова I. Проблема в изучении истории церкви Англии этого периода состоит в том, считает П. Уайт, что интерпретация событий этого времени сформировалась под влиянием оценок, данных происходящему участникам событий, и эти оценки некритично восприняли последующие историки. Представление о том, что в церкви Англии существовало согласие на кальвинистской основе, которому бросило вызов арминианство, угрожавшее сползанием к католицизму, насаждал Уильям Принн. Подобным же образом идея о революции как восстании, подготовленном пуританами, коренится в сочинениях Питера Хейлина, биографа Уильяма Лода. П. Уайт считает, что любые попытки понять то, что происходило в предреволюционной Англии через призму противостояния арминианства и кальвинизма, неадекватны.

П. Уайт анализирует также представления о предопределении в трудах Теодора Безы и ответ Безе, данный Арминием. Анализ, проделанный П. Уайтом, показывает то, что англичане в XVII веке называли арминианством, не имеет отношения к трудам и идеям Арминия. В англиканской церкви утвердилось мнение о предопределении, согласно которому предопределение зависит от воли человека и его отклика на призыв Бога, и на основе этого были составлены некоторые молитвы в англиканском молитвеннике, но такой подход, согласно которому решение Бога о человеческой судьбе зависит от того, откликнется ли человек на призыв Бога, вызывал возражения в среде английских кальвинистов. П. Уайт считает, что в англиканской теологии существовало много течений, и в ее изучении не следует упрощать ситуацию. П. Уайт анализирует Ламбетские статьи 1595 года, Дортский синод (1618–1619) и утверждает, что Ламбетские статьи не были выражением триумфа кальвинизма в церкви Англии при Елизавете (это было мнение Уильяма Принна), а были попыткой сохранить мир в церкви путем запрета споров и проповедей на такие спорные темы, как предопределение. Чрезмерным упрощением, считает П. Уайт, было бы также утверждение, что англичане приняли статьи Дортского синода и признали их как доктринальную основу церкви Англии.

В то же время, как считает М. Тодд³⁴, в изучении истории церкви Англии может иметь меньшее значение обсуждение вопроса о том, существовала ли в 1630-е годы в церкви Англии арминианская группировка, пытавшаяся подорвать кальвинистскую ортодоксию в церкви, чем существование у современников веры в то, что такая группировка действительно существовала. Если противники Лода были убеждены, что внедрением церемониальности в церковную жизнь Лод хочет разрушить протестантскую церковь в Англии, и смогли внедрить такое понимание происходившего в сознание других людей, утрачивало значение то, что на самом деле собирался сделать Лод, то есть воображаемые понятия могли определять действия тех, кто жил в это время.

Современные историки, как пишет М. Тодд, могут и не видеть в 1630-е годы существования сплоченной арминианской группировки, но ее видели кальвинисты в Кембриджском университете, обращая внимание, что в университете участились случаи антикальвинистских выступлений. Она также выявила, что кальвинисты-антиарминиане составляли в Кембридже чуть менее половины глав колледжей, что не давало им возможности решительно осудить выступления антикальвинистов. Вместе с тем, по ее мнению, в Кембридже существовала и арминианская группа. Следовательно, как считает М. Тодд, в 1630-е годы в церкви Англии все же можно выявить существование противостоявших друг другу групп, называть ли их

кальвинистами и арминиянами, пуританами и «церемониалистами», контра-ремонтантами и ремонтантами, и эта характеристика явно точнее отражает положение в церкви, чем рассуждения о существовании кальвинистского «богословского консенсуса», «практической терпимости», о которых писали Н. Тайэк и П. Лейк³⁵. Неудивительно, что Долгий парламент в качестве одной из первых мер принял решение о создании комиссии по расследованию религиозных злоупотреблений в университетах. Поэтому для М. Тодд ясны причины гражданской войны в Англии: противостоявшие в церкви в 1630-е годы группировки стали в 1640-е годы пуританами и роялистами.

В целом в современной британской историографии в изучении религиозной истории Англии предреволюционных десятилетий XVII века продолжается аналитическая работа, способствующая переосмыслению того, что было сделано ранее, и следует признать, что в 1970–2000-е годы представления о религиозно-политической ситуации в стране накануне революции середины XVII века заметно углубились.

Примечания

¹ *Russell C.S.R.* (Ed). *The Origins of the English Civil War*. London, 1973; *Russell C.S.R.* *Parliaments and English Politics 1621–1629*. Oxford, 1979; *Russell C.* *The Causes of the English Civil War*. Oxford, 1990; *Morrill J.S.* *The Revolt of the Provinces*. London, 1976; *Sharpe K.* Introduction: *Parliamentary History 1603–29: in or out of Perspective?* // *Sharpe K.* (Ed.). *Faction and Parliament*. Oxford, 1973. P. 1–42; *Kishlansky M.* *The Emergence of Adversary Politics in the Long Parliament* // *Journal of Modern History*. 1977. № 49. P. 617–640; *Kishlansky M.* *Parliamentary Selection*. London, 1986; *Kenyon J.P.* *The Stuart Constitution 1603–88*. London, 1986; *Tyacke N.* *Anti-Calvinists. The Rise of English Arminianism c. 1590–1640*. Oxford, 1987; *Tyacke N.* *Puritanism, Arminianism and Counter-Revolution* // *Russell C.S.R.* (Ed). *The Origins of the English Civil War*. London, 1973. P. 119–143; *Morrill J.S.* *The Religious Context of the English Civil War* // *TRHS 5th Series*. 1984. № 34. P. 155–178; *Morrill J.S.* *The Attack of the Church of England in the Long Parliament, 1640–1642* // *Beales D., Best G.* (Eds.). *History, Society and the Churches*. London, 1985. P. 105–124.

² Арминиянство – учение нидерландского кальвинистского богослова Якоба Арминия (1560–1609), профессора Лейденского университета (с 1603 года), выступившего против ортодоксального кальвинизма с отрицанием тезиса о предопределении еще до сотворения мира избранных к спасению как не совместимый с идеей Божественной любви и справедливости. По учению Арминия, человек обладает свободой воли, что ставит спасение человека в зависимость от его поведения.

³ *Tyacke N.R.N.* *Puritanism, Arminianism and Counter-Revolution* // *Russell C.* (Ed.). *Origins of the English Civil War*. London, 1973. P. 119–143.

⁴ *Hirst D.* *Authority and Conflict: England 1603–1658*. London, 1986. P. 77.

⁵ *Sharpe K.* *Archbishop Laud* // *History Today*. 1983. № 33. P. 26–30; *Sharpe K.* *Archbishop Laud and the University of Oxford* // *Lloyd-Jones et al H.* (Eds.). *History and Imagination*. London, 1981. P. 146–164; *White P.* *The Rise of Arminianism Reconsidered* // *Past & Present*. 1983. № 101. P. 35–54.

⁶ *Foster A.* *The Function of a Bishop: the Career of Richard Neile, 1562–1640* // *O’Day R., Heal F.* (Eds.). *Continuity and Change. Personnel and Administration of the Church in England, 1500–1642*. Leicester, 1976. P. 33–54.

⁷ *Continuity and Change. Personnel and Administration of the Church in England, 1500–1642*. Leicester University Press, 1976. P. 54.

⁸ *Trevor-Roper H.* *From Counter-Reformation to Glorious Revolution*. Chicago, 1992.

⁹ *Foster A.* *The Function of a Bishop: the Career of Richard Neile, 1562–1640* // *O’Day R., Heal F.* (Eds.). *Continuity and Change*. Leicester, 1976. P. 41–46; *Raymer V.E.* *Durham House and the Emergence of Laudian Piety*. Harvard University PhD, 1981.

¹⁰ *Continuity and Change. Personnel and Administration of the Church in England, 1500–1642*. Leicester University Press, 1976. P. 52.

¹¹ *Ibid.* P. 53.

- ¹² *Davies J.* The Caroline Captivity of the Church. Charles I and the Remoulding of Anglicanism, 1625–1641. Oxford, 1992. P. 49.
- ¹³ *Ibid.* P. 1–2.
- ¹⁴ *Ibid.* P. 2.
- ¹⁵ *Sharpe K.* The Personal Rule of Charles I // Tomlinson H. (Ed.). Before the English Civil War. P. 58–63; *Reeve I.J.* Charles I and the Road to Personal Rule. London, 1989.
- ¹⁶ *Andrewes L.* Sermons. Oxford, 1841–1853. Vol. I–V; *Davies J.* The Caroline Captivity of the Church. Charles I and the Remoulding of Anglicanism, 1625–1641. Oxford, 1992. P. 19, 26.
- ¹⁷ *Tyacke N.* Puritanism, Arminianism and Counter-Revolution // Russell C. (Ed.). The Origins of the English Civil War. London, 1973; *Tyacke N.* Anti-Calvinists. The Rise of English Arminianism c. 1590–1640. Oxford, 1987; *Tyacke N.* The Fortunes of English Puritanism, 1603–1640. London, 1990.
- ¹⁸ *Davies J.* The Caroline Captivity of the Church. Charles I and the Remoulding of Anglicanism, 1625–1641. Oxford, 1992. P. 93–95, 105, 117.
- ¹⁹ *Ibid.* P. 122–125.
- ²⁰ *Milton A.* Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought. Cambridge University Press, 1995. P. 5–7; *Higham F.M.G.* Catholic and Reformed. A Study of the Anglican Church, 1559–1662. London, 1962. P. 56–57.
- ²¹ *Lake P.* Anglicans and Puritans? Presbyterianism and English Conformist Thought from Whitgift to Hooker. London, 1988. Ch. 4; *Lake P.* Lancelot Andrewes, John Buckeridge and Avant-garde Conformity at the Court of James I // Levy Peck L. (Ed.). The Mental World of the Jacobean Court. Cambridge, 1991.
- ²² *Milton A.* Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought. Cambridge University Press, 1995. P. 7, 26.
- ²³ *Milton A.* Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought. Cambridge University Press, 1995. P. 394–395, 412–415, 418.
- ²⁴ *Patterson W.B.* The Synod of Dort and the Early Stuart Church // Armentrout D.S. (Ed.). This Sacred History. Cambridge (Mass.), 1990; *Milton A.* Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought. Cambridge University Press, 1995. P. 420–421, 429.
- ²⁵ Гомаристы – последователи Франциска Гомара (1563–1641), ортодоксального нидерландского кальвиниста, осуждавшего идеи Арминия.
- ²⁶ *Milton A.* Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought. Cambridge University Press, 1995. P. 432–438.
- ²⁷ *Milton A.* Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought. Cambridge University Press, 1995. P. 496–502; *Lake P.* The Laudians and the Argument from Authority // Kunze, B.Y. Brantigan, D. (Eds.). Court, Country and Culture. Rochester, 1992.
- ²⁸ *Milton A.* Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought. Cambridge University Press, 1995. P. 503–515; *Grell O.P.* A Friendship Turned Sour: Puritans and Dutch Calvinists in East Anglia, 1603–1660 // Leedham-Green E.S. (Ed.). Religious Dissent in East Anglia. Cambridge Antiquarian Society, 1991; *Hoyle D.M.* Near Popery Yet No Popery. Theological Debate in Cambridge, 1590–1644. Cambridge University PhD, 1991.
- ²⁹ *Milton A.* Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought. Cambridge University Press, 1995. P. 527, 531; *White P.* The Via Media of the Early Stuart Church // Fincham, K. (Ed.). The Early Stuart Church. London, 1993.
- ³⁰ Теология ковенанта – богословская идея, характерная для взглядов пуритан. Согласно ей, Бог заключает с теми, кого избрал к спасению, своеобразный договор, по условиям которого избранные к спасению обещают не отступать от исполнения воли Бога, а Бог поддерживает их в земной жизни.
- ³¹ *Milton A.* Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought. Cambridge University Press, 1995. – P. 534.
- ³² *Ibid.* P. 546.
- ³³ *White P.* Predestination, Policy and Polemic: Conflict and Consensus in the English Church from the Reformation to the Civil War. Cambridge, 1992.
- ³⁴ *Todd M.* «All One with Tom Thumb»: Arminianism, Popery and the Story of the Reformation in Early Stuart Cambridge // Church History. 1995. Vol. 64. № 4.
- ³⁵ *Tyacke N.* Anti-Calvinists. Oxford, 1987; *Lake P.* Calvinism and the English Church 1570–1635 // Past & Present. 1987. № 114. P. 32–76.